

ОТКУДА И КУДА

ИНОЕ ГОРОДА. КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР

© 2006

А. В. Шипилов

Шипилов

Андрей

Васильевич —

доктор культурологии, доцент кафедры философии Воронежского государственного педагогического университета. В журнале "Человек" опубликовал статьи "Великая литература как большой бизнес" (2005. № 4); "Смысл города и город-смысл" (2006. № 1).

В предыдущей статье¹ мы говорили о городе как о принципиально новом типе организации общества, о специфической целостности, которая "в массовом порядке" производит новые смыслы. Чтобы прояснить эту мысль, мы рассмотрели "предельный случай" города, так сказать, город "*par excellence*" — столицу империи, которая исходно создавалась как материализация социального мифа и являла собой "сгусток смыслов". В настоящей статье мы попытаемся взглянуть на привычные реалии города как бы с противоположной стороны: в рамках более традиционной оппозиции "город — деревня". Но для этого следует подойти к сельской общине не как к конкретно-историческому виду, а как к специфическому структурно-логическому типу социума. В такой перспективе привычные и давно описанные особенности сельской и городской жизни предстают по-новому, раскрывая свой системный и даже метафизический смысл.

В своей противоположности деревня и город взаимно обуславливают и определяют друг друга как два полюса в структуре социальной реальности. "Без горожанина нет крестьянина, они существуют как элементы одной оппозиции"². Деревня и город предполагают друг друга и логически, и исторически: до появления городов не было и деревень, ибо не всякое земледельческое поселение является деревней и не всякий земледелец — крестьянин. Крестьянин, как и горожанин, — продукт цивилизации, т.е. общества, непременным признаком которого является наличие городов. И тот, и другой появляются лишь на определенной стадии социального развития. С этой точки зрения, деревня — это единое социума, город — его целое; город по отношению к социуму несет функции сущего, деревня — функции бытия³.

Деревня производит пищу, город — смыслы. Обмен этими продуктами между городом и деревней — необходимое условие *реального* существования социума. Конечно, деревня может прожить и без города, но жить — еще не значит быть реальным: для своей реализации жизнь требует осмысления, а его дает деревне именно город. И если деревня — причина существования города, то город — цель бытия деревни. Как пишет А.И. Фурсов, "земледельческий мир с необходимостью порождает город с его "высокой" религией, культурой, обращением к которым в конечном счете и означает в глазах крестьянина вос-

¹ См. Шипилов. А.В. Смысле города и город-смысл // Человек. 2006. № 1.

² Фурсов А.И. Крестьянство в общественных системах: опыт разработки теории крестьянства как социального типа — персонафикатора взаимодействия универсальной и системной социальности // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 56.

³ Развитие здесь интерпретируется как движение от едино-

производство его в качестве человека, т.е. существа неприродного... Как работник, т.е. субъект труда и действительного процесса производства, крестьянин как земледелец может прожить без города; но как человек, как носитель социальных отношений особого исторического типа — нет"⁴.

Если городу — форме организации социума в модальности целого — присущи *холитивность* (целостность), *гипотаксивность* (иерархическая системность), *сущность* (формализованная структурность) и *интроинтенциональность* (внутренняя направленность социальной активности), то характеристики деревни — формы организации социума в модальности единого, прямо противоположны. Это *унитивность*, *аддитивность*, *бытийность* и *экстраинтенциональность*. И многие неоднократно отмечавшиеся особенности культуры городских и сельских жителей — не что иное, как выражение этих характеристик.

Так, одно из наиболее общих и глубинных свойств, определяющих самые разные стороны крестьянского социума, — унитивизм, сплошность единства, предшествующего всем делениям, оппозициям и целостностям. Единство есть предел различности: любая реалья реальна настолько, насколько она отличена, отделена от всех иных, и наоборот, так что если единое взять как предикат, то его субъектом будет не нечто, а ничто. Фундаментальной интенцией крестьянского социума как раз и является стремление выйти из положения “оппонента”, чего-то такого, что определяется по отношению к иному. Иначе говоря — стремление к утрате определенности. Крестьянство — это класс, отличительной чертой которого является стремление не быть классом, т.е. социальной группой, занимающей свое место в системе отношений господства и эксплуатации, а быть не-классом, т.е. просто свободными земледельцами (а “просто” земледелец, как мы отмечали, — это еще не крестьянин). Т. Шанин определяет крестьян как “мелких сельскохозяйственных производителей, которые, используя простой инвентарь и труд членов своей семьи, работают — прямо или косвенно — на удовлетворение своих собственных потребительских нужд и выполнение обязательств по отношению к обладателям политической и экономической власти”⁵. Так вот, крестьянин стремится максимизировать первую часть этого определения и минимизировать вторую. Он желает удовлетворять свои потребительские нужды, но не желает никаких обязательств по отношению к представителям власти; он хочет быть свободным земледельцем — т.е. носителем доклассовых или раннеклассовых социальных отношений. Поэтому отличительный признак крестьянства как класса — его неклассовый характер: “Крестьянство является “классом” в той степени, в какой оно им не является, крестьянин является крестьянином в той степени, в какой он им не является”⁶. Подобные парадоксы характерны как раз для предельных логических ситуаций: при попытке определить реальность предела реализуется, зато реальность распределяется. Класс — это реалья, т.е. нечто, взятое как одно в отношении к иному, в пространстве между ничто (единым) и все (целым) как нижним и верхним пределами. Но крестьянство как класс не хочет быть классом, не хочет определяться через свое отношение к иному, и это отрицание различения и есть то, что его отличает. Формой утверждения здесь является негация, полагание возможно лишь как отрицание отрицания: нечто конституируется через свою ничтожность.

го к целому через одно и иное: это логически взаимосвязанная совокупность процессов деления и объединения, являющей партикуляризации и универсализации — иначе говоря, спенсеровская эволюция в переводе на язык классической метафизики. Как известно, Герберт Спенсер рассматривал эволюцию как структурную сторону развития материи. В понимании английского социолога, эволюция — это переход вещества “из состояния неопределенной бессвязной однородности в состояние определенной связанной разнородности”. Если мы заменим позитивистские “вещество” метафизической “вещью” (*res*) и вспомним лексику знаменитого платоновского “Парменида”, то можно изложить это формулой “Ничто — Нечто — Все”, или, не в субстанциальной, а в атрибутивной форме — “Единое — Одно/Иное — Целое”; это не что иное, как авторское выражение диалектической триады, эквивалент множества подобных формул, начиная от тернарности мифологического мирового древа и христианского догмата о Троице и заканчивая гегелевским алгоритмом развития, фрейдовской схемой психики и т.д. и т.п.

⁴ Фурсов А.И. Цит. соч. С. 69, 70.

⁵ Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 11.

⁶ Фурсов А.И. Цит. соч. С. 68.

Молотьба.
Рисунок
Н. Дмитриева-
Оренбургского

Как же эти логические и метафизические отношения проецируются на реальность?

Крестьянин работает на земле, и специфика ситуации состоит в том, что все эти сущности различаются минимально: “для крестьянина земля, труд на земле и он сам нераздельны”⁷. Если, по известному выражению Маркса, земля есть “удлиненное тело” крестьянина, то сам он тоже в известном смысле является продолжением земли, частью геобиоценоза, а его земля, результат его труда — продолжением его личности. Земля и крестьянин соотносятся не как объект с субъектом, а как субъект с предикатом: если крестьянин — субъект, то земля — его предикат, если субъект — земля, то предикат — крестьянин. Поэтому собственность крестьянина на землю — это его собственность на самого себя, т.е. на свой труд, вложенный в землю (недаром тягло исчислялось именно с количества труда, а не территории). Некое отождествление с землей составляет ядро самотождественности крестьянина, его крестьянской идентичности: крестьянин есть тот, кто работает на своей земле.

Труд и собственность для крестьянина — одно и то же: первое абстрагируется от второго, второе — от первого, функции собственника и работника, руководителя и исполнителя не разделяются, не противопоставляются друг другу. Работа не отличается от жизни, а жизнь — от работы: труд есть способ жизни, жизнь есть совокупность трудовых процессов. Работа на земле есть видовой признак крестьянина; труд для него — как причина, так и следствие, как цель, так и способ жизни. Об организации своего труда крестьянин думает не больше, чем об организации своего дыхания: это нельзя планировать, нормировать, ускорять, интенсифицировать и т.д., этого нельзя ни начать, ни закончить, от этого нельзя уйти, и к этому нельзя вернуться — это постоянно, необходимо и неизбежно. Крестьянин не думает о том, как улучшить или обходимо и неизбежно. Крестьянин не думает о том, как улучшить или расширить свою трудовую деятельность для того, чтобы получить возможность заниматься чем-то еще: это все равно, как если бы человек сосредоточился, поднатужился и сделал бы за три часа суточное количество вдохов и выдохов, чтобы с толком потратить освободившееся время. От дыхания невозможно отдохнуть; точно так же для крестьянина на освободиться от труда — значит освободиться от жизни.

⁷ Данилова Л.В. Природное и социальное в крестьянском хозяйстве // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. М., 1997. С. 22.

Далее, труд и собственность крестьянина — это труд и собственность крестьянской семьи; семья и хозяйство тождественны, и неделимая ни в каком отношении семейно-хозяйственная единица — двор — это в полном смысле слова атом крестьянского социума. Семья не столько система, композиция способных к самостоятельному, самостному существованию элементов, сколько организм. Различия между членами одной семьи подобны различиям между пальцами одной ладони, и даже глава семьи независим от самого младшего ее члена не больше, чем большой палец независим от мизинца. “Крестьянская семья-хозяйство есть, конечно, микро-система, но выражающая себя характерной для организмических разновидностей целокупностью”, — пишет А.В. Гордон, определяя крестьянскую семью как “естественную целостность” на “органической основе”⁸. Скажем точнее: речь идет не о целом, а о едином, и не о целостности или целокупности (*холитивности*), а об *унитивности*: целое есть целое частей, общность самостных данностей, здесь же имеется в виду единое с его сплошностью и неделимостью, где нет ни индивидуализированных элементов, ни универсализующей системы.

Этот *унитивизм* характеризует все аспекты семейно-хозяйственного бытия. Так, семейная собственность — это не частная и не общественная собственность, ибо здесь нет ни частей, ни общего/целого. Совместное владение и индивидуальное распоряжение не означают индивидуальное владения и совместного распоряжения: “свое” не значит “частное” и “общее” не значит “чужое”. Семейная собственность не столько наследуется, сколько отпочковывается, она не делится, а редуцируется; раздел между братьями или отделение отцом сына означает не деление целого на части, а умножение единого, появление на месте одной семейной собственности нескольких семейных собственности.

То же следует сказать и о труде крестьянской семьи. Крестьянин — это непрофессионал по определению. Разделение труда в крестьянской семье происходит по принципу половозрастной дифференциации, но не по принципу профессиональных способностей. Да и это разделение никогда не бывает полным: жена крестьянина или дети, начиная с 10–12 лет, в случае необходимости вполне могли жать, косить, боронить, молотить и т.д.

Крестьянская семья — это неразложимое единство; каждый ее член и все они, вместе взятые, существуют не как самостоятельные индивиды, а как отдельные (но не отделенные) выражения или проявления этого единства. Крестьянская идентичность предикативна — определение и самоопределение крестьянина реализуется в терминах принадлежности; он не “сам”, а “чей”. Эта прилагательная субъективность определяется прежде всего семьей, двором: каждое лицо выступает в качестве представителя семейного дворохозяйства. Вернее, оно его не столько представляет, сколько непосредственно является последним — но не частью, а неким выступом, выпуклостью на его поверхности. Выразить морфологически точно это отношение между членом семьи и самой семьей довольно сложно: “отношение” существует между различным, мы же говорим о тождественном. Больше всего это напоминает амёбу с ее ложноножками: член семьи может быть уподоблен псевдоподии — временному цитоплазматическому выросту одноклеточного организма. Это не есть нечто отдельное —

⁸ Гордон А.В. Тип хозяйствования — образ жизни — личность // Крестьянство и индустриальная цивилизация. С. 116–117.

это то же самое; отличие псевдоподии от остальной протоплазмы не содержательное, а формальное, обусловленное не внутренней структурой, а внешней средой. Так и крестьянская семья есть гомогенная сплошность, выпускающая во внешнюю социальную среду свои отростки — т.е. “отдельных” членов. Этот унитивизм выражается в том, что статус каждого семейного индивида вне семьи определяется не по индивидуальным, а по его родовым, семейным характеристикам; крестьянин произведен от своей фамилии.

Другая характеристика крестьянского социума — *аддитивность*, относительный минимум системности, структурированности (коррелят унитивизма: чем слабее расчлененность единого на части, тем меньше степень целостности — невыраженности частей прямо пропорциональна невыраженности целого). Дворохозяйства соединяются в общину — но именно со-единяются, а не составляют системное целое: отдельный двор в рамках общины не обладает собственной структурно-функциональной спецификой, поэтому деревня может состоять и из одного двора, и из тысячи — это агломерат, а не система взаимосвязанных элементов. В свою очередь, сельские миры могут объединяться в волостные, но волость трудно назвать целым частей — скорее, это единица множества; и сельский мир, и волостная община суть прежде всего податные единицы, и их номинальная системность наложена на крестьянский социум извне, государством. Степень целостности растет за счет увеличения различности частей: чем они обособленней, тем больше их нужна друг в друге: связь существует между разным, но не между единым. По отношению к единому само это “*между*” — семантическая ошибка (равно как “отношение к единому” — ошибка логическая); двор, мир, волость — это лишь на первый взгляд иерархическая система. Один двор (мир, волость) нуждается в другом дворе (мире, волости) настолько, насколько он отличается от него; но как раз это отличие минимально, а потому минимальна и степень целостности соответствующих денотатов. Крестьянский, деревенский социум — это совокупность локализованных микрокосмов, и если один из них накладывается на другой — это еще не значит, что они составляют системную целостность. Изменения в положении одного двора меняют положение другого только в одном отношении — фискальном, но эта обусловленная круговой порукой связь имеет внешний характер, она не органическая, а механическая. Каждая социальная единица автономна, но автономия не приводит к федерации: единицы слишком мало отличены и отделены друг от друга, чтобы между ними появилось какое-то натяжение. Крестьянский мир — это одномерное поле транслокальной непрерывности, “простое сложение одноименных величин”, по выражению Маркса⁹. Это и есть аддитивность, т.е. прибавляемость, сложенность, где целое тождественно сумме частей — иначе говоря, нет ни целого, ни частей.

Аддитивность крестьянского социума — главная причина того, что он всегда находится в подвластном положении по отношению к городу. Вообще, крестьянин, по определению, не может быть субъектом политической власти, а может быть лишь ее объектом. Одна деревня не может управлять другой деревней (деревнями), и не столько из-за отсутствия возможности, сколько из-за отсутствия необходимости. По отношению к политической/государственной власти крестьянство анархично в полном смысле этого слова.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. М., 1957. С. 207.

Жена принесла
обед пашущему
мужу. Рисунок
XIX в.

С *аддитивностью* коррелирует *бытийность*: минимум структуризации означает максимум генерации; недостаток логичности (в максимальном значении “логоса”) является оборотной стороной переизбытка биотичности. Крестьянский социум минимально *сущен* и максимално *бытиен*, и деревня являет собой сгусток не сущего, а бытия — в его самой непосредственной, непосредованной жизнепроявляемости. Биологическое доминирует здесь над собственно социальным, и сама крестьянская социальность насквозь пропитана этим биологизмом.

Крестьянская экономика максимально природообусловлена, природное превалирует в ней над социальным. Она — средство решения чисто биологической задачи воспроизведения рода; крестьянин живет ради жизни — не более того. Самый же естественный образ жизни — это жизнь семейная, жизнь в первичной биосоциальной единице: крестьянин работает, чтобы кормить семью, семья же нужна ему для того, чтобы организовать эту работу.

Крестьянская жизнь — это жизнь, логически взятая в максимальной чистоте, жизнь, очищенная от всего ей внеположного. Жизнь крестьянина — и причина, и результат себя самой; крестьянином не становятся, а рождаются — вместо свободного целеполагания на раскинувшемся перед индивидом поле возможностей крестьянину дана лишь подпирающая его сзади причинность, для которой он сам — только средство, сотовая ячейка, наполняемая густой субстанцией жизни. Крестьянин — это человек, который выживает; проживание жизни есть его основная задача, и если крестьянство суть образ жизни, то жизнь образует все специфические особенности крестьянства.

Поскольку производство для крестьянина — не цель, а средство, средство поддержания жизни, то именно жизнь определяет собой организацию крестьянского хозяйства (можно сказать, что у крестьянина жизнь организует хозяйство, в то время как у горожанина хозяйство организует жизнь). Потому-то крестьянское производство принципиально ориентировано на потребление и произвести больше, чем нужно для непосредственного потребления, для крестьянина так же невозможно, как прибавить себе несколько лет жизни. Что значит

Семья за столом.
Лубок XIX в.

прибыль с точки зрения простого воспроизводства жизни? Это все равно, что отрастить себе вторую голову — настолько же возможно, насколько необходимо.

Крестьянское хозяйство имеет биотически детерминированные параметры. Это хозяйство семейное — так как семья есть своего рода переход между биологическим и социальным, высшая ступень биологической организации и низшая ступень социальной. Для того, чтобы хозяйствовать самостоятельно, крестьянину нужно жениться: возглавить хозяйство — значит возглавить семью, стать хозяином — значит стать главой семьи. В городе всегда больше холостяков и незамужних — городской образ жизни не подразумевает тождества семьи и хозяйства, и сама эта жизнь не столь тотальна, как в деревне: горожанин живет, чтобы работать, в то время как крестьянин работает, чтобы жить.

Наконец, еще одна характеристика крестьянского социума — это его *экстраинтенциональность*. Направленность вовне, овнешненность — характерная черта всего деревенского космоса. Крестьянин и трудится, и отдыхает в основном вне дома. Жить он стремится на людях: людей вокруг него мало (по сравнению с городом), он постоянно испытывает дефицит в общении и контактах, и именно поэтому жаждет последних. У него нет желания уединиться — у него есть желание объединиться, по-общаться, прийти на завалинку к людям, а не уйти от них во внутрь собственного “я”. Информационная среда деревни разрежена, поэтому коммуникация здесь столь интенсивна; сельский микрокосм локален и партикулярен, и степень его закрытости от чужих прямо пропорциональна степени внутренней открытости своим. (В городе все наоборот — горожанин настолько открыт “чужому”, насколько закрыт для “своего”). Всякое деяние крестьянина коллективно — особенно тогда, когда он один: индивидуализм горожанина определяется его постоянным пребыванием среди людей, коллективизм крестьянина определяется его постоянным пребыванием среди природы. Сознание крестьянина так же коллективно, т.е. овнешнено: во-

ля, память и т.п. — все это находится вовне, а не внутри, все доброе и злое приходит со стороны, все мыслится происходящим как бы само собой. Основа, структурно-логическая обусловленность этой характеристики все та же: крестьянский социум — это социум в модусе единого, единое же не имеет внутренности и реализуется только вовне, оно становится “одним” перед лицом “иного”. Всякое движение в этом модусе направлено “из”; движение “в” противопоставлено единому, ибо составляет прерогативу целого.

Итак, крестьянский социум *унитивен, аддитивен, бытиен и экстраинтенционален*; соответственно, этими же характеристиками описывается и специфика культуры деревни. Деревенская культура прежде всего отличается своим *унитивизмом* — минимальной степенью отделенности от жизни, формальной определенности, внутренней расчлененности на сферы, виды, жанры и пр. Структурно отношение между культурой и не-культурой у крестьянина можно сравнить с меблировкой деревенской избы: это не компонент интерьера, но элемент конструкции; встроенная в стену лавка тем и отличается от кресла, что ее нельзя переставить, она вырастает из стены, как растение из земли.

Точно так же и крестьянское искусство не существует как особая, институционализируемая форма творческой деятельности: оно тождественно быту, быт тождествен искусству. Художественная форма относится здесь к своему предметному содержанию как узор татуировки — к коже, на которую она нанесена: они диффундируют друг в друга, их нельзя разделить. Впрочем, и это сравнение не вполне корректно: форма и содержание в народном прикладном искусстве рождаются одновременно — вещь возникает сразу как утилитарно-художественная или художественно-утилитарная.

В этом отношении нельзя даже сказать, что крестьянское искусство составляет существенную часть повседневной жизни. Часть мыс-

Старушка,
рассказывающая
сказки в зимний
вечер. Гравюра
В.М. Максимова

Колядки. Рисунок
К.А. Трутовского

лима в целом, у нас же налицо единое — искусство и есть жизнь, а жизнь тождественна искусству. Устное творчество, музыка, драма, декоративно-прикладное искусство — все это в деревне не существует само по себе, а вплетается в живую ткань повседневности. Крестьянская культура — это культура в ином, и уподобить ее можно не кристаллу, но насыщенному раствору. Культура — это форма; но если по отношению к городской культуре можно сказать, что форма является ее содержанием, то относительно культуры деревни верно обратное — содержание является ее формой. Крестьянская культура бесструктурна — степень ее внутренней расчлененности стремится к нулю. Здесь преобладают поливидовые и многожанровые формы. (Мы бы назвали их синтетическими, но это логически неверно: синтез следует за анализом, объединение следует за делением, у нас же ситуация исходной неделимости. Поэтому, чтобы не оперировать оксюморонами вроде “первоначального синтеза”, мы и применяем понятие “унитивность”.)

Производитель и потребитель культурных артефактов здесь — одно и то же лицо. Производство и потребление культуры не только не отделены друг от друга — они и не расчленены внутренне: в деревне нет профессиональных резчиков или сказителей, как нет в ней и записных любителей фольклора или коллекционеров расписных прялок. Здесь все и каждый все знают и все умеют: культура деревни антиэлитарна.

Крестьянская культура *аддитивна*: здесь нет деления на целое и части, нет общего, потому что нет конкретного, и обратно. В отсутствие абстракции все наличные конкретности становятся однородными: индивидуализм невозможен без универсализма. Крестьянский социум не знает деления на официальное и личное: в общине общественное выглядит как частное, зато частное максимально обобществлено. То же характерно и для деревенской культуры как снятой формальности данного социума. Она однородна, ибо пред-

ставляет собой агломерат бесконечного множества предельно различных локальных вариантов — будь то производство, право, быт, искусство и т.д. Здесь все разное — и потому все одно и то же. В отсутствие инварианта сплошная вариантность обращается в свою противоположность. Если нет стандарта, то вместо нестандартных стандартов мы получаем стандартные нестандартности. Крестьянская культура не знает универсалий, потому в ней нет и уникамов; здесь нет двух одинаковых вещей, и потому каждая вещь тождественна всем. Здесь нет ни превышения нормы, ни отставания от нее. Одна прялка, сказка или пляска не может быть ни лучше, ни хуже другой, ибо нет образцовой. Разные города отличаются друг от друга, ибо имеют стандартную (регулярную) застройку — разные деревни друг от друга почти неотличимы, ибо застройка каждой из них нестандартна (нерегулярна).

Минимум системности указывает на максимум бытийности, и бытийность деревенской культуры, действительно, просто бросается в глаза. Описывая городскую культуру, мы описываем жизнь формы; описывая деревенскую культуру, мы описываем форму жизни. Крестьянин живет в мире нефиксированной реальности, и культура деревни отличается своей непосредственностью и непосредственностью: человек здесь встречается не с текстом, а с другим человеком, феномены культуры проживаются, а не промышляются. Так, по наблюдениям этнографов, никто из крестьян не мог сказать ничего определенного о смысле изобразительных и орнаментальных мотивов деревянной резьбы, вышивки и т.д.: ни заказчик, ни сам мастер, как правило, не знают, что или кого именно они изображают¹⁰. Можно еще сравнить деревенское обычное право с писаным законом: если в последнем случае мы имеем дело с юридической нормой, то в первом — с нормой поведения. Культура для крестьянина — инструмент, призванный обеспечивать жизнь/выживание. Снова мы видим, как культурный артефакт существует не в себе и для себя, а в ином и для иного: “культуры для культуры” деревня не знает, жизнь для культуры возможна лишь в городе.

Практицизм (не тождественный прагматизму) характеризует в деревне отношения между людьми, а еще больше — отношение к тому, кто стоит вне деревни как “моральной общности”, члены которой связаны взаимными обязательствами. Практицизм характеризует крестьянскую религиозность, в которой огромную роль играют магические практики. Практичен фольклор — произведения устных жанров имеют по большей части внеэстетические функции: воспитание, передачу знаний, норм поведения. И какой бы феномен деревенской культуры мы не взяли, он всегда будет иметь жизненно-практический характер.

Эта *бытийность* объясняется той же самой природной обусловленностью деревенской жизни. Крестьянская культура не столько оппонент природы, сколько ее непосредственное продолжение в области социального; культурная жизнь деревни организуется не искусственно-линейным, а естественно-циклическим временем. Деревенское время не исторично, ибо оно минимально культурно и максимально природно. Оно не сущно, а бытийно, не количественно, а качественно; его не считают — им живут. Собственно, крестьянин как идеальный тип, т.е. взятый в чистоте своей тождественности, стоит вне истории: история обходит деревню стороной. Историческое со-

¹⁰ Рождественская С.Б. Русская народная художественная традиция в современном обществе. М., 1981. С. 54, 86, 90; Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 154.

знание крестьянина, насколько о нем вообще можно говорить, все же имеет внекрестьянскую обусловленность: так, сибиряк помнил своих предков-первопоселенцев, но они были раскольниками, заводскими беглыми, казаками и пр.¹¹ — т.е. носителями некрестьянской идентичности. История крестьянина — это история его соприкосновений с некрестьянами; история деревни — это история ее отношений с городом, государством, церковью, — точнее, отношения последних к ней. Крестьянин, разумеется, в определенной мере знает историю — но это история некрестьян; сам же он выступает не субъектом, а объектом исторического процесса. Если горожанин видит в истории неизменность изменения, то крестьянин воспринимает ее как изменчивость неизменного; прошлое и будущее для него суть пролонгированное настоящее: деревенское время не структурируется по принципу одного и иного.

Крестьянин — человек необразованный: крестьянское знание, знание крестьянского не преподается в школе, оно невычленимо из жизни и усваивается непосредственно. Если же он получает образование, то он учится не-крестьянскому: получение образования тождественно раскрестьяниванию. Русские крестьяне отдавали своих детей в устраиваемые правительством или местными властями школы без особого удовольствия, справедливо полагая, что научившиеся читать и писать “в виду нашем... все без изытия не имеют уже усердствующей способности в упражнениих сельской работы... наиболее прилепляются к снисканию легких упражнении, совсем не приносящих ни им самим, ниже обществу пользы”¹². И действительно, крестьянин, выучившийся грамоте, всеми силами стремился противопоставить себя остальным крестьянам: он устраивался писарем, начинал носить городскую одежду, прическу и т.п. — лишь бы не оставаться “простым мужиком”. С другой стороны, сами мужики никогда не считали такого маргинала за “своего”; его грамотность закрывала ему путь в деревенскую “моральную общность”.

Крестьянин не столько мыслит реальность, сколько чувствует ее. Звук превалирует у него над знаком, икона — над догматом; он не читает, он говорит и смотрит — ороакустическое и аудиовизуальное в его мире вообще значимей вербального. Он действует, а не рефлексивирует, в его сознании минимум осознания (относительный минимум). И в субъективной, и в объективной реальности деревни бытие пресвалирует над сущим.

Таким образом, культура крестьянина — это во всех отношениях культура человека бытия.

Наконец, *экстраинтенциональность* деревенской культуры настолько очевидна, что это можно принять за аксиому. Крестьянская культура — это культура, развернутая вовне, культура для другого; все в ней существует напоказ, выставляется на общественное (общинное) обозрение, производится для общественного потребления. Горожанин читает книгу для себя — крестьянин рассказывает бывальщину для других. Горожанин заботится об интерьере — крестьянское жилище знает лишь экстерьер. Интроспекция крестьянину противопоказана — он не умеет идти внутрь данности. Так, в деревне лечили “внешние” болезни (ушибы, переломы и т.п.), но не лечили “внутренние” (включая инфекционные, нервные) — вплоть до того, что крестьяне откупались от правительственных лекарей, прятали больных от врачей, избегали принимать лекарства и пр.¹³

¹¹ Миненко Н.А. История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма. Новосибирск, 1986. С. 33–35.

¹² Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII — первая половина XIX в. М., 1991. С. 123.

¹³ Миненко Н.А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1989. С. 117.

Таким образом, деревенская культура как культура общины имеет свою специфику, принципиально отличающую ее от городской культуры как культуры общества. Деревенская и городская культуры взаимодействуют друг с другом: первая заимствует у второй формальные, а вторая у первой — содержательные моменты. При этом заимствованное подвергается своего рода переформатированию. Деревенская культура впитывает в себя все то, что перестает быть характерным для культуры города по мере эволюции последней. При этом заимствуемые формы наполняются новым, специфически сельским содержанием. Стойкость этого бессознательного заимствования, когда формой сельской традиции выступает перманентно устаревшая городская новация, прямо пропорциональна материальной нестойкости абсолютного большинства артефактов сельской культуры. Деревянная российская деревня выгорала в среднем один раз в 30 лет, поэтому даже элементарная передача традиции от одного поколения к следующему была затруднена. Не правнук начинал и заканчивал свою жизнь в доме, построенном прадедом, — далеко не каждому удавалось произвести на свет сына в доме собственного отца. Каждое поколение начинает жить чуть ли не с абсолютного нуля. Поэтому культурные формы легче циркулируют здесь по социальной, нежели по временной вертикали.

Таким образом, деревню, сельский общинный социум и его культуру можно рассматривать как особый социокультурный континуум со своими специфическими структурно-логическими характеристиками; деревня — это не просто нечто отличное от города, это его Иное.